

ОБЗОРЫ

В. З. ДЕМЬЯНКОВ

ФОРМАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СЕМАНТИКЕ И СИНТАКСИСЕ

(ПО МАТЕРИАЛАМ АМЕРИКАНСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ)

Вот уже более 20 лет в Соединенных Штатах, в Англии и в других частях мира, в частности в Японии, продолжается новая научная игра, связанная с изучением свойств естественного языка. Правила новой игры, введенной основоположником современного генеративизма Н. Хомским, заключаются в следующем. Требуется выявить как можно больше следствий из представления об описании естественного языка с помощью аппарата исчисления. Понятие исчисления заимствовано из математики, где оно нашло свое кульминационное развитие в современных теориях формальной логики. Итак, грамматика, по определению, должна иметь теперь вид исчисления предложений (или других, более или менее крупных языковых единиц). Исчисляемое, или в новой терминологии «порождаемое», множество объектов должно соответствовать тому, что носитель языка может отождествить с реальными языковыми единицами. Иначе говоря, грамматика должна содержать аппарат, порождающий определенные выражения, которые этой же грамматикой интерпретируются либо как безукоризненно построенные образцы письменной речи, либо как языковые сочетания с определенными отклонениями, либо, наконец, как абракадабра.

Однако оказывается, что, коль скоро ставится вопрос о лингвистическом описании процесса интерпретации языковых выражений человеком, нельзя надеяться на достижение сколько-нибудь ощутимых результатов, не опираясь на сведения из объективного реального мира и на результаты нелингвистических исследований. Причем эти сведения должны представлять собой не просто набор фактов из конкретных наук, а некоторую теорию, достаточно развитую для адекватного описания этих фактов. Если ограничиться при этом только фактами, без теории, то потребовалась бы реконструкция специальной нелингвистической теории в рамках лингвистического исследования, а это было бы равносильно наивному представлению о том, что наука, дающая методы исследования языка, может и должна попутно в качестве побочного продукта дарить миру специальные нелингвистические теории. При всем уважении к лингвистике, на сегодняшний день нет оснований для выдвижения ее на место такой науки наук.

С другой стороны, сегодня становится ясным, что возможности этой сравнительно молодой науки, лингвистики, гораздо больше, чем предполагалось раньше: она может не только описывать факты, связанные

с языком, но и ставить научно осмысленные проблемы перед другими дисциплинами, в частности перед математикой. Лингвистика в этом понимании оказывается связанной с совершенно различными областями человеческой деятельности, где ставится вопрос об интерпретации явлений. Правила интерпретации явлений в науке — это эвристические приемы исследования. Эти приемы всегда вербализуемы, что наводит на мысль о том, что они имеют языковую природу или, во всяком случае, тесно связаны с языком. Частным случаем таких эвристических приемов являются даже правила ведения научной «игры», которые относятся к стратегиям общения людей, занимающихся исследованиями в сходных или смежных областях. Поскольку такие стратегии в значительной степени связаны с условностями человеческого общения вообще, неудивительно, что путь открытия истин в конкретных науках не прямолинеен и существуют такие явления, как догматизм в науке, с одной стороны, и крайний радикализм «без оглядки» на традицию — с другой.

В значительной степени такой радикализм продемонстрировала и «игра» в генеративизм. Это неоднократно отмечалось советскими критиками генеративизма. В частности, А. Д. Швейцер отмечал: «Ратуя за восстановление связей между языкознанием, с одной стороны, и психологией и философией — с другой, он (Хомский) в то же время исключает из рассмотрения те аспекты науки о языке, которые связаны с дисциплинами, изучающими общественную природу человека» (см. Швейцер, 1976, с. 50). Далее А. Д. Швейцер подчеркнул, что в стратегию исследования и обоснования теории языка должно входить исследование языка в его социальном контексте и «анализ вариативности языка, обусловленной гетерогенностью языковых коллективов» (там же). Что касается применения математических аксиоматических методов как единственной стратегии, то советские критики столь же справедливо указывали, как пишет О. С. Ахманова, что «вполне возможно, что существуют науки, где действительно существенный прогресс может быть достигнут просто путем создания гипотез и применения к ним некоторого набора логических операций, причем, по-видимому, наиболее правомочным претендентом на это является высшая математика. Однако и там в последнее время все более настойчиво ставится вопрос о материалистическом основании...» (см. Ахманова, 1970, с. 152).

В предлагаемом ниже обзоре проблемы на материале зарубежной лингвистики, касающейся пока лишь периода конца 50 — начала 70-х годов нашего столетия, мы намерены подчеркнуть, что заявленная «игра» касается весьма серьезных вопросов теории языка и заслуживает во всяком случае не менее серьезного к себе отношения, чем «теория игр» в других областях науки.

Задавать описание предложений конкретного языка, а затем отсеивать в рамках той же грамматики неудачные, или «неграмматичные», предложения с начала развития теории показалось ее основателям неестественным. В самых первых вариантах теории (Н. Хомский, «Синтаксические структуры», работы Ч. Лиза, Ч. Филлмора и др.) это было сочтено не только неудобным, но, главное, не необходимым. Порождающая грамматика должна была исчислять только безукоризненные предложения; предложения, состоящие из слов того же естественного языка, но ни одним информантом не признаваемые как правильно построенные, по определению грамматики, не должны были порождаться. Если обнаруживалось, что предлагаемая каким-либо автором конкретная грамматика кроме грамматически правильных порождает еще и некоторое количество неправильных предложений, то в этом видели недостаточную аккуратность в построении этой конкретной грамматики, вследствие чего последняя не могла претендовать на звание грамматики данного языка. Кстади, один из упреков, которые делались так называемым традиционным грамматикам, состоял в том, что если формализовать содержащиеся в них грамматиче-

ские сведения как набор правил порождения и трансформаций, то такие грамматики опишут множество выражений гораздо большее, чем множество реальных языковых выражений.

Итак, одним из правил новой игры стало требование на каждом очередном ходе предложить такое улучшение предыдущих вариантов порождающей грамматики (обычно грамматики английского языка), которое, с одной стороны, позволяло бы порождать еще более широкое множество правильных предложений, а с другой — уменьшало множество порождаемых неграмматичных выражений.

С самого начала создателям порождающей грамматики было ясно, что идеалом должен быть каталог всех возможных предложений языка. Однако этот каталог будет бесконечным при конечном грамматическом инвентаре, поэтому каталогизированием именно грамматических средств и введением сведений о них должна теперь была заниматься не сама грамматика, а иная дисциплина — теория грамматики. По неписанным правилам этой же игры, те предложения, которые предшественниками по генеративистскому описанию признавались безукоризненными, в последующих описаниях мотивировок для выбора тех, а не иных конкретных правил для введения в новый вариант грамматики отвергать как неправильные нельзя. Этот принцип можно было бы сформулировать так: «Уважай идиолек и языковое чутье своего предшественника».

На том же этапе развития генеративистской мысли, естественно, вставал вопрос: каким образом в рамках порождающей грамматики должен отражаться тот факт, что носитель языка не только продуцирует бесконечное множество грамматически правильных предложений, но и может интерпретировать языковые произведения, предъявленные ему на экспертную оценку. В частности, существует бесконечное множество строго говоря неграмматичных предложений, которые носителями языка понимаются и могут быть «подправлены», т. е. поставлены в соответствие определенным правильным вариантам. В этом случае формальный аппарат, отражающий языковое чутье носителя языка, должен помимо грамматического аппарата, прямо порождающего безукоризненные предложения, содержать также «правила перехода», т. е. фактически правила интерпретации, с помощью которых заведомо неправильные предложения «переводятся» на нормальный язык грамматичных предложений (см., например, Катц, Фодор, 1963).

Тогда же возник и следующий вопрос. Какой статус в порождающей грамматике должны иметь «странные предложения» типа «Зеленые идеярыстно спят», которые вроде бы и понятны носителю языка и не требуют «правил перехода» для своего понимания? Введение для таких предложений с семантическими отклонениями правил перехода привело бы к бесконечному множеству толкований, в то время как, по замыслу лингвистов, такая грамматика перехода каждому не до конца правильно построенному предложению должна была ставить в соответствие определенное *конечное* множество толкований. В решении этого вопроса наметилось два направления, из которых более развернутую и распространенную формализацию в описываемый период получило только одно.

Первый принятый сразу путь: уточнить грамматику и привязанный к ней словарь лексических единиц таким образом, чтобы запретить прямое порождение семантически отклоняющихся предложений за счет достаточно детализированного каталогизирования сведений о нормально-семантической сочетаемости лексических единиц. Так, в этой грамматике возможно будет сочетать единицу «идея» с единицами типа «гениальная», «революционная», «блестящая», «глупая» и т. п., но ничего не будет сказано о сочетании этой же единицы «идея» с единицами типа «зеленая», «полотняная» и т. п., а следовательно, тем самым такие выражения будут запрещены. Там же должна содержаться информация о возможной сочетаемости единицы «спать», «ярыстно» и т. п. Правда, остается непонятым, на

каком уровне детализации нужно остановиться лексикографу: чтобы запретить таким косвенным путем сочетания типа «круглый стол с острыми углами» и множество ему подобных, придется, вероятно, отказаться от принципа, освященного тысячелетней лексикографической традицией, согласно которому в словаре обычно вполне достаточно хранить сведения о сочетаемости единиц, находящихся в прямом отношении друг с другом. Генеративисты, для которых эта традиция не показалась святой, отказались от нее, при этом пришло (как в аппарате «Аспектов» Н. Хомского) вводить довольно-таки хитроумный способ задания свойств сочетаемости с помощью «селективных» признаков, отражающих контекстные свойства иногда при учете весьма удаленных друг от друга (в принципе, даже бесконечно удаленных) единиц в структуре предложения. Граница словарной детализации остается совсем неясной еще и с другой стороны: где кончаются лексикографические сведения и начинаются чисто энциклопедические, в частности локализованные во времени? На этот последний вопрос — о степени детализации и энциклопедичности — генеративисты в начале 60-х годов давали весьма уклончивый ответ: если это необходимо для описания того, что такое владение языком у нормального человека, то нельзя отказываться и от введения энциклопедической информации и следует отказаться от лексикографического снобизма, который заставляет заниматься языком «в себе и для себя», без оглядки на способы описания реального или возможного мира. Практически же в работах по описанию словаря в рамках порождающей грамматики вопрос снимается, поскольку всегда, с оговорками или без них, предполагается, что от авторов не следует в обозримые сроки ожидать исчерпывающего описания лексики, а поэтому в описание не входят, по принципиальным или практическим соображениям, энциклопедические сведения. Причем грамматическое и лексикографическое описание должно быть проведено таким образом, чтобы неоднозначное предложение имело ровно столько толкований, сколько способов анализа в рамках данной конкретной грамматики ему может быть приписано. Поскольку в генеративистском описании грамматики каждое предложение может быть порождено конечным количеством способов, это определение множества анализов, возможных для данного конкретного предложения, становится, по мнению сторонников этого подхода, конструктивным. При этом опять-таки возникает неясность, как считать количество толкований неоднозначных предложений.

Логика давно занимается проблемой разграничения между неоднозначностью предложения и его неопределенностью (ср., например, В. О. Куайн, 1960). Предложение «Посещение родственников для нас утомительно» является неоднозначным, поскольку его можно проинтерпретировать как сообщение и о том, что мы посетили родственников, и о том, что нас посетили родственники. Итак, здесь налицо неоднозначность, и количество толкований — два. Однако это же предложение неопределенно (неясно) в очень многих других отношениях: идет ли речь о родственниках только по одной линии или по двум, старые это родственники или молодые, сколько их и т. п.; когда происходит посещение родственников: вчера, сегодня, в данный момент и т. п. Последние вопросы, по признанию и логиков и лингвистов (см. Дж. Лакофф, 1970), по крайней мере интуитивно, отличаются от вопросов, связанных с неоднозначностью. Основное свойство неоднозначности, по невысказанному предположению, заключается в том, что для нее рано или поздно можно будет придумать тот или иной синтаксический тест, позволяющий установить, что данному неоднозначному предложению должен быть приписан не один, а несколько (и конкретно указать, сколько) лингвистических синтаксико-семантических способов анализа в рамках одного и того же концептуального аппарата. Но нахождение таких же чисто лингвистических тестов в случае неопределенности и неясности надеяться нельзя, поскольку не-

определенность принципиально связана с неперечислимостью множества ситуаций, которые могут быть соотнесены с конкретным языковым высказыванием.

Другой путь решения названных двух вопросов относительно семантического описания предложения заключается во взгляде на порождающую грамматику как на исчисление, порождающее все возможные речевые сигналы, воспринимаемые на данном языке носителем данного языка, но не обязательно понятные ему или понятные ему однозначно. Грамматика содержит в качестве своего основного компонента интерпретирующий механизм, который приписывает выражениям, поданным на его вход, различные требуемые виды интерпретаций: так, могут требоваться в качестве интерпретации сведения о том, насколько данное предложение грамматично и для кого (т. е. для какой группы носителей языка, с точки зрения диалектной и социальной принадлежности); в каких видах ситуаций оно может быть приемлемо; какую синтаксическую структуру этому предложению можно приписать (в рамках того или иного формализма, существующего реально или возможного в лингвистической теории); какие значения имеет данное предложение; какие логические следствия оно может иметь; каким может быть минимальный ответ, чтобы он был осмысленным в качестве реплики в беседе с человеком, имеющим определенные социальные характеристики в определенной социальной ситуации; наконец, как смысл понятия, формулируемого с помощью заданного выражения, выводится из смысла логически более простых понятий. При выборе этого пути необходимо принять, что множество возможных видов интерпретаций практически неограниченно: такая модель владения языком, на наш взгляд, более адекватно отражает тот факт, что, за исключением определенных случаев, также укладывающихся в рамки такого подхода, владение языком используется для решения вполне определенных задач; успешность решения этих задач определяется не только степенью однозначности языковых выражений, фигурирующих в качестве объекта интерпретации, и не столько ею, сколько ясностью и осознанностью того, какой именно вид интерпретации необходимо получить для решения этой задачи.

Как было сказано выше, этот подход, который можно было бы назвать последовательно «интерпретационным», в отличие от первого подхода, крайний случай которого можно было бы назвать (с разной степенью оправданности и справедливости применительно к разным представителям) «синтезирующим», «детерминистским» и т. п., не получил столь же полной и общепринятой формализации, как первый или как пути компромиссные между детерминистским и последовательно интерпретационным. Нетрудно видеть, между прочим, что в чисто дескриптивном плане детерминистский путь «вкладывается» в интерпретационный: в первом ставится задача найти (выражаясь в интерпретационных терминах) такой анализ произвольного выражения на естественном языке, из которого было бы видно все множество толкований предложения, его синтаксическая структура в данной детерминистской концепции и способ порождения этого выражения. В рамках «Аспектов» Н. Хомского, например, все это считается выводимым из вида глубинной структуры, в рамках другого направления, «порождающей семантики» — из вида семантического представления предложения (в этом смысле эти два направления оказываются совпадающими), а в так называемой «расширенной стандартной модели» — из пары «глубинная структура + поверхностная структура», если заданное выражение представляет собой грамматичное предложение. Если же заданное предложение является неграмматичным, то за конечное число шагов определяется невыводимость любой синтаксической структуры, которая может считаться его синтаксическим представлением в данной грамматике с ее конкретным набором грамматических правил и лексических единиц.

В рамках и последовательно и непоследовательно интерпретационного подходов одной из фундаментальных проблем, до сих пор неразрешенной, является выяснение того, как разные типы интерпретации связаны между собой. В соответствии с одной из трех гипотез все множество интерпретаций, возможное у выражений на естественном языке, формулируется в терминах одних и тех же элементов, *каждый* из которых «участвует» в построении интерпретации *каждого* типа. В соответствии с другой гипотезой, если какой-либо элемент участвует в построении выражения, являющегося интерпретацией какого-либо одного типа, то не существует такого другого типа интерпретации, в выражении которого мог бы участвовать этот элемент. В соответствии с третьей гипотезой существуют как элементы, строящие интерпретации только одного типа, так и элементы, строящие интерпретации нескольких типов.

Из этих гипотез наименее вероятной представляется вторая (хотя не исключена, в принципе, и эта возможность): к ней можно было бы вернуться только после того, как исследователи убедятся в противоречивости или в практической невыполнимости проекта описания языка в рамках первой и третьей гипотез.

Первая гипотеза интуитивно соответствует тезису Ф. де Соссюра о том, что в языке *tout se tient*, хотя, конечно, автор этого тезиса не имел в виду интерпретационизм. Некоторым, хотя и слабым, возражением этой гипотезе было бы следующее. Если выражения, представляющие интерпретации различных видов, имеют одинаковые свойства, т. е. построены примерно по одинаковым образцам и из абсолютно тех же элементов, что и представления для любого другого типа интерпретации, то остается непонятным, почему эти типы должны рассматриваться как разные. Однако это возражение не является достаточно сильным, чтобы можно было с уверенностью отказаться от возможности первой гипотезы.

Основная масса работ в области порождающей грамматики, где так или иначе затрагиваются проблемы семантики естественного языка, написана при имплицитном принятии третьей гипотезы. Так, в модели «стандартной расширенной теории» — в развитие идеи, заложенной в исследованиях Катца и Фодора (1963) и Катца и Посталя (1964), — предполагается, что семантическая интерпретация представляет собой ту же структуру непосредственно составляющих, в которой выполнена синтаксическая запись глубинной структуры. Иначе говоря, здесь предполагается, что синтаксическая и семантическая интерпретации предложения заданы единообразно, причем правила интерпретации связывают глубинную и поверхностную структуры, с одной стороны, с семантической интерпретацией — с другой. В этой концепции считается неверным утверждение, что между множеством глубинных структур, порождаемых грамматикой естественного языка, и множеством семантических интерпретаций существует взаимно однозначное соответствие: о правилах, соотносящих глубинные и поверхностные структуры, можно говорить и как о правилах, интерпретирующих глубинные структуры в терминах поверхностной структуры (когда последняя понимается также, как представление предложения в виде дерева непосредственно составляющих, слегка «подпорченного» наличием ненаглядных способов изображения грамматических отношений), и как о правилах, интерпретирующих поверхностные структуры в терминах глубинно-синтаксических категорий. Правда, последнее скорее является программным высказыванием, поскольку трансформации, т. е. правила, переводящие глубинные структуры в соответствующие поверхностные, формулируются необратимым образом.

Как было отмечено выше, в модели «порождающей семантики» в отношении алфавита представления видов интерпретации принято то же решение, что и в стандартной модели. Здесь семантические представления (синонимы этого термина в рамках этого направления теории: логико-семантические, семантико-синтаксические, синтактико-семантические

представления) и поверхностно-синтаксические представления выполнены в одном и том же алфавите, и предполагается, что множество семантических представлений и предложений являются исходными для получения множества синтаксических интерпретаций, здесь именуемых поверхностными структурами. Этот подход порождающей семантики представляется в методическом отношении довольно неудобным в следующем отношении. Если с самого начала ориентироваться на то, что в задачу лингвистического описания не входит описание других видов интерпретации, кроме семантической и синтаксической, то эта модель вполне оправдана и представляет собой «западный» формальный аппарат, в рамках которого можно вести исследование конкретных свойств языка. Однако, коль скоро приходится переходить к расширению описания на новом этапе и описывать свойства языка, лежащие за пределами отношений между составляющими предложение лексическими единицами в определенной структуре, — типа употребимости тех или иных синтаксических структур в тех или иных речевых актах, для выполнения того или иного речевого задания, то порождающей семантике приходится «доставать» свой аппарат каждый раз весьма неудобным способом. Например, Дж. Гордон и Дж. Лакофф предложили произвести эту достройку путем введения «трансдеривационных» правил, которые соотносят практически одни семантические структуры с другими (такой прием имеет старую традицию, восходя еще к карнаповым «семантическим правилам», которые в свою очередь зародились в концепциях Ч. Пирса и Ч. Морриса). Однако от этого их грамматическая концепция теряет свою прозрачность и однозначность, а если учесть, что при каждом таком дополнении системы новыми типами необходимой или выполнимой в рамках лингвистического исследования интерпретации приходится менять радикальным образом всю систему, то придется признать меньшее удобство такой непоследовательно интерпретационной концепции с практической точки зрения. Так, в указанном случае перестройка грамматической концепции состояла в том, что у предложения появилось постулируемое «каноническое» семантическое представление, называемое буквальным значением, и множество выводимых, имплицитных значений, получаемых в качестве интерпретаций из этого канонического значения. Это позволило Дж. Сейдоку с полным правом утверждать (Сейдок, 1975), что у порождающей семантики появился аппарат интерпретации, а ведь именно от интерпретационизма пытались представители этого направления в первую очередь отмежеваться! Интуитивную наглядность и оправданность своей системы они видели в том, что процесс «смысл — текст» в рамках их концепции более прозрачен, чем то же отношение в рамках «стандартной теории», где в качестве промежуточного звена имеется глубинная структура.

По поводу понятия «глубинной структуры» как технического термина в конце 60 — начале 70-х годов происходили большие споры между сторонниками порождающей семантики и сторонниками стандартной модели. Вопрос состоял в том, можно ли процесс порождения синтаксического представления предложения постулировать таким образом, чтобы на некотором вполне определенном уровне порождения, называемом уровнем глубинной структуры, иметь такое синтаксическое представление предложения, которое соответствовало бы ровно одному значению предложения, но не обязательно совпадало с ним. Под «глубинной структурой» в стандартной модели понималась самая первая в деривации предложения структура, полностью заполненная лексическим материалом.

Итак, проблему выяснения противоречивости концепций, содержащих понятие глубинной структуры, сторонники порождающей семантики сводили на самом деле к двум проблемам. Во-первых, к необходимости доказать, что в любом синтаксическом генеративистском описании, по крайней мере для английского языка (а, по их мнению, тем самым и для любого языка, поскольку схема организации грамматики считается в гене-

ративизме универсальной) имеется по меньшей мере одно лексическое правило, работающее в любой деривации, где оно может быть применено после хотя бы одной чисто синтаксической трансформации. Этим самым было бы показано, что не существует никаких формальных критериев для выделения уровня глубинной структуры, а следовательно, этот концепт должен быть из теории удален. Во-вторых, в необходимости убедить аудиторию в большей интуитивной приемлемости и большей наглядности описания грамматики, когда звук и смысл соотносятся прямым образом как взаимная интерпретация друг друга, выражаясь в терминах интерпретационизма.

И если попытки аргументации в первом направлении были подкреплены поисками конкретных синтаксических свойств английского и некоторых других языков, исследованием тех или иных семантических свойств языка (так были введены в лингвистический оборот логическая кванторная структура предложения, сделаны попытки исследовать соотношение между отрицанием грамматическим и отрицанием логическим, различить случаи неоднозначности и случаи неопределенности предложения, затем свойства предложений, связанных между собой отношением «высказывание — следствие — пресуппозиция» и т. п.), когда представители различных концепций пытались показать, что в рамках их формального аппарата выявленные факты описываются лучше и, во всяком случае, не хуже, чем в рамках противоположного лагеря, то второе направление аргументации было больше рассчитано на то, чтобы эмоционально воздействовать на лингвистов, наблюдающих за происходящей дискуссией, и имело более игровой характер. Именно в эту эпоху развития генеративизма в академический стиль лингвистических исследований время от времени прорывались не совсем академические высказывания относительно «противников по другую сторону барьера», возведенного в общем-то в том же лагере генеративизма. Именно в эту эпоху иногда нарушалась заповедь уважать языковое чутье оппонента. Именно в этот период генеративизм приобрел все типичные черты антагонистической игры. По правилам этой игры, определенная сумма очков присуждалась тому из противников, которому удавалось найти слабое, с чисто синтаксической стороны или со стороны тонкости семантического описания, звено в рассуждениях противника; причем чем выше уровень охватываемой темы обсуждения, тем большее количество очков получал игрок. В очень многих моментах эта игра была рассчитана на публику — студентов, аспирантов или молодых докторов философии, составляющих основное ядро генеративизма в США, а впоследствии и общественное лингвистическое мнение.

Здесь мы не будем останавливаться подробно на тех принципах формального описания синтаксиса, которые так или иначе затрагивались в ходе этого спора: на эту тему существует обширная литература довольно специального характера (см. об этом, например, Беделл, 1974; Мартемьянов, 1976). Существенно здесь, на наш взгляд, то, что в результате развития формального аппарата все больше и больше сознательно или бессознательно в генеративизм проникает идея интерпретационизма. В русле этого направления цель лингвистики как науки можно определить как исследование структуры языковых выражений и реально используемых человеком путей их интерпретации. Подчеркнем слово «путей» в этой формулировке, так как конкретными свойствами отдельных видов интерпретации занимаются конкретные же науки: свойствами логических выражений и их интерпретацией занимается логика, интерпретацией физических выражений (т. е. выражений, используемых в физике) — физика, математических — математика, биологических — биология и т. д. Однако можно сделать еще более общее утверждение: во всех этих конкретных специальных дисциплинах, как показывает их история, значительная доля работы сводится к устранению посторонних интерпретаций и в выявлении новых возможных интерпретаций, лучше, чем старые, укладывающихся в рамки

предлагаемой картины мира. Задача эта в значительной степени и лингвистическая, поскольку изменение определенного сложившегося образа научного мышления связано, в частности, и с языковым опытом, в результате которого только и происходит передача знаний и который составляет владение языком у каждого конкретного исследователя.

Итак, если исследование конкретных видов интерпретации и соотношение их с действительностью и выходит за пределы собственно лингвистики, то несомненно лингвистическим и на сегодняшний день весьма актуальным представляется исследование и моделирование интерпретирующего механизма человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова, 1970 — *Ахманова О. С.* Ленинская теория познания и лингвистическая абстракция. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., «Наука», 1970.
- Бедделл, 1974 — *Bedell G.* The arguments about deep structure. — «Language». Baltimore, 1974, vol. 50.
- Гордон, Лакофф, 1971 — *Gordon D., Lakoff G.* — Conversational postulates. — In: Papers from the seventh regional meeting. Chicago Linguistic Society. Chicago, 1971.
- Катц, Постал, 1964 — *Katz J. J., Postal P. M.* An integrated Theory of Linguistic Descriptions. Cambridge, Mass, 1964.
- Катц, Фодор, 1963 — *Katz J. J., Fodor J. A.* The structure of a semantic theory. — «Language». Baltimore, 1963, vol. 39.
- Куайн, 1960 — *Quine W. V. O.* Word and object. Cambridge, Mass., 1960.
- Лакофф, 1970 — *Lakoff G.* A note on vagueness and ambiguity. — «Linguistic inquiry». Camb., Mass., 1970, vol. 1.
- Мартемьянов, 1976 — *Мартемьянов Ю. С.* Семантика в порождающей грамматике: проблемы и результаты. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., «Наука», 1976.
- Сейдок, 1975 — *Sadock J. M.* The soft, interpretive underbelly of generative semantics. — In: Syntax and semantics. Vol. 3. Speech Acts. Ed. by P. Cole and J. Morgan. N. Y., San Francisco, London, 1975.
- Хомский, 1962 — *Хомский Н.* Синтаксические структуры. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 2, М., 1962.
- Хомский, 1972 — *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. М., Изд-во Моск. ун-та, 1972.
- Швейцер, 1976 — *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М., «Наука», 1976.